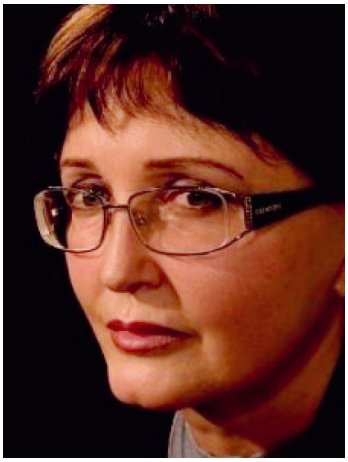
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 6, с. 33–43
STATE AND LAW, 2024, No. 6, pp. 33–43

УДК 34



РОССИЯ В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ: ПРАВОВОЙ ВЕКТОР ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

© 2024 г. В. В. Лапаева

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Поступила в редакцию 26.02.2024 г.

Аннотация. Современные геополитические реалии определяются двумя ключевыми факторами – геополитическим кризисом и экспоненциальным характером развития технологического прогресса. На данном историческом этапе оба этих фактора в своей совокупности предопределяют разделение глобального мира на техно-экономические блоки. Неизбежность в среднесрочной перспективе той или иной формы блокового противостояния не отменяет возможности будущего правового развития на началах принципа формального равенства между государствами. Теоретическая модель такого развития в российской политологии представлена правовой по своей сути концепцией многосторонности мирового порядка, принципиально отличной от силовой модели многополярности. Возможности правового развития России как суверенного государства зависят пока что от успехов в поиске союзников по блоку и от того, с каким научно-технологическим, экономическим и духовным багажом страна войдет в такой союз государств. Конкурентный потенциал каждого блока будет определяться как его технологическим могуществом, так и сложившимся внутри него особым ценностно-нормативным комплексом, в котором найдет отражение духовное единство народов, объединившихся в подобный союз. При этом цивилизационные ценности, составляющие основу такой «мягкой силы», должны быть не только выражены на уровне теорий, но и представлены в практике построения новых моделей социально-экономического и политико-правового устройства, способных ввести технологическое развитие в правовое русло.

Ключевые слова: Россия, геополитический кризис, научно-технологическая революция, международное право, философия права, мировой порядок, силовая модель многополярности, правовая многосторонность, государственный суверенитет, техно-экономический блок, правовое развитие.

Цитирование: *Лапаева В.В.* Россия в новых геополитических реалиях: правовой вектор цивилизационного самоопределения // Государство и право. 2024. № 6. С. 33–43.

DOI: 10.31857/S1026945224060023

RUSSIA IN THE NEW GEOPOLITICAL REALITIES: THE LEGAL VECTOR OF CIVILIZATIONAL SELF-DETERMINATION

© 2024 V. V. Lapaeva

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: lapaeva07@mail.ru

Received 26.02.2024

Abstract. Modern geopolitical realities are determined by two key factors – the geopolitical crisis and the exponential nature of technological progress. At this historical stage, both of these factors together determine the division of the global world into techno-economic blocks. The inevitability of some form of block confrontation in the medium term does not negate the possibility of future legal development based on the principle of formal equality between States. The theoretical model of such development in Russian political science is represented by the essentially legal concept of the multilateralism of the world order, which is fundamentally different from the power model of multipolarity. The possibilities of Russia's legal development as a sovereign state so far depend on success in finding allies in the bloc and on what scientific, technological, economic and spiritual baggage the country will enter into such a union of states. The competitive potential of each block will be determined both by its technological might and by the special value-normative complex that has developed within it, which will reflect the spiritual unity of the peoples united in such a union. At the same time, the civilizational values that form the basis of such a "soft power" should not only be expressed at the level of theories, but also presented in the practice of building new models of socio-economic and political-legal structure capable of introducing technological development into the legal mainstream.

Key words: Russia, geopolitical crisis, scientific and technological revolution, International Law, Philosophy of Law, world order, power model of multipolarity, legal multilateralism, state sovereignty, techno-economic bloc, legal development.

For citation: *Lapaeva, V.V. (2024).* Russia in the new geopolitical realities: the legal vector of civilizational self-determination // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 6, pp. 33–43.

Правовая концепция эволюции мировой системы: от многополярности к многосторонности. Современный геополитический кризис, подорвавший постбиполярный мировой «полупорядок», основанный на «новых неписаных, но разделявшихся участниками правил поведения на международной арене»[1], вынес в глобальную повестку дня вопрос об основах будущего мироустройства. Среди отечественных и зарубежных политиков и политологов обострились дискуссии между сторонниками многополярности (полицентричности), приверженцами гегемонистской стабильности однополярного мира, а также теми, кто ищет теоретический компромисс на базе концепций плюралистической или асимметричной однополярности, теми, кто в духе *real politic* считает неизбежной новую биполярность с США и Китаем в качестве двух супердержав, и т.д. Особняком по отношению к этим вариантам неправового по своей сути, т.е. силового (основанного на балансе между равновесными полюсами силы и на иерархичном построении внутри самих полюсов) устройства миропорядка находится идея генерального директора Президиума Российского совета по международным делам А.В. Кортунова о том, что «элементы будущего мирового порядка – если мы говорим именно о порядке, а не об "игре без правил" и не о "войне всех против всех" – следует строить на фундаменте не столько многополярности, сколько многосторонности»[2]. Главное различие между двумя концептами заключается в том, что «если многополярность ищет пути формального или неформального закрепления системных привилегий лидеров, то многосторонность нацелена на поиск дополнительных возможностей для отстающих»[3]. Именно с развитием концепции подобной многосторонности, считает автор, могут быть связаны важные интеллектуальные прорывы в области российской теории международных отношений. Такие прорывы сейчас крайне необходимы, поскольку доминирующая установка на многополярность, которая опирается на исторический опыт «Европейского

[1] *Никитин А.И.* Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. 2018. № 6. С. 35.

[2] *Кортунов А.В.* Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка // Рабочая тетрадь РСМД. 2019. № 52. С. 35.

[3] Там же. С. 36.

концерта» или Венской системы международных отношений, созданных в Европе в начале XIX в., не учитывает, как убедительно показывает автор, ряд факторов, способных заблокировать такой вариант развития[4].

Но при этом сам же А.В. Кортунов характеризует подобный многосторонний порядок как не вполне справедливый по отношению к сильным игрокам, поскольку их интересы ограничиваются как в пользу слабых субъектов мировой политики, так и в целях поддержания стабильности всей системы международных отношений[5]. В данной связи напрашивается вопрос: насколько в принципе уместны предложения по выстраиванию мирового порядка на заведомо несправедливых основаниях? Ведь подобные предложения в практическом отношении являются проигрышными, а в теоретическом неверными, поскольку, как хорошо сказал и показал Ю. Хабермас, этика дискурса «не допускает рядом со справедливостью... никаких конкурирующих точек зрения *равного ранга*»[6]. Однако применительно к рассматриваемой идее многосторонности миропорядка такая критика неуместна, поскольку, вопреки некоторым суждениям ее автора, она как раз находится в русле справедливого и одновременно (что принципиально важно) *правового* по своей сути решения проблемы будущего мироустройства.

Чтобы пояснить эту мысль, необходимо напомнить, что в философии права выделяется три подхода к проблеме соотношения права и справедливости – позитивистский, естественно-правовой и либертарно-юридический, – в рамках которых по-разному раскрывается не только соотношение права и справедливости, но и само понятие справедливости. Позитивисты трактуют справедливость как моральную категорию, выходящую за рамки позитивного правопорядка, а юснатуралисты рассматривают ее как естественно-правовое и одновременно моральное (иногда – морально-религиозное) требование, обращенное к позитивному правопорядку, что, как верно замечено, предполагает морально-правовой, т.е. междисциплинарный статус всей юридической науки[7]. Сторонники этих типов правопонимания, кстати, не исключают и могут даже приветствовать уступки со стороны сильных субъектов политико-правовых отношений в пользу слабых, но считают это своего рода благотворительностью, которая относится к сфере морали, с присущей ей (в отличие от права) нормативной неопределенностью, всегда чреватой произволом. В отличие от этих подходов для либертарно-юридической теории, разграничивающей право и мораль по сущностному основанию, право – это выражение сущностного принципа формального равенства как триединства равной меры, свободы и справедливости[8]. Именно либертарно-юридический подход[9], которого я и буду далее придерживаться, позволяет ввести идею многосторонности мирового порядка в правовое русло, поскольку, согласно данному типу правопонимания, справедливость как имманентная характеристика права предполагает компенсацию незаслуженной слабости сторон правового взаимодействия[10]. Оставляя за рамками данного анализа обоснование теоретических преимуществ такого подхода, отмечу, что его практическое значение применительно к рассматриваемой проблематике определяется тем, что компоненты межгосударственной системы взаимодействуют прежде всего на основе *международного права*. Морально-религиозные регуляторы, разумеется, тоже востребованы, но, как отмечает А.Н. Вылегжанин, «для целей регламентации связей государств они не столь действенны»[11]. К этому следует добавить, что мораль и религия как соционормативные системы не столь действенны во взаимоотношениях между государствами именно потому, что по своей природе они партикулярны и не могут, в отличие от права, претендовать на общезначимость.

Суть принципа правовой компенсаторности как одного из проявлений сущностного правового принципа формального равенства можно пояснить

[4] При этом автор указывает на ярко выраженную неравновесность участников потенциальной многополярной системы, на крайнюю неоднородность мировой элиты с ее существенно разнящимися культурными архетипами и базовыми ценностями, на жесткую зависимость национальных лидеров от подверженного эмоциям общественного мнения, на принципиальную проблематичность совмещения блоковой модели миропорядка и полноценного суверенитета всех входящих в них государств (см.: *Кортунов А.В.* Указ. соч. С. 15–23).

[5] См.: там же. С. 35.

[6] *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 275.

[7] См.: *Луковская Д.И.* Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 234.

[8] Право здесь – это применение равной меры к измерению свободы субъектов права, гарантирующее им формальную справедливость.

[9] Либертарно-юридическая теория разработана акад. В.С. Нерсесянцем и обоснована им в качестве самостоятельного типа правопонимания (см.: *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15).

[10] Подробнее см.: *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 391–441.

[11] *Вылегжанин А.* Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права. URL: https://www.russiancouncil.ru›analytics-and-comments/... (дата обращения: 12.02.2024).

по аналогии с обоснованием границ правовой природы социального государства. Дело в том, что во взаимоотношениях между государствами как субъектами права действует та же правовая логика, что и в случае проведения государством социальной политики: такая политика сохраняет правовой характер, если она не выходит за границы *правовой компенсации* (т.е. не превращает правовые преференции, компенсирующие людям их незаслуженную социобиологическую слабость, в неправовые привилегии)[12]. И хотя ссылка на внутригосударственную социальную политику дана здесь в качестве аналогии, однако в современных условиях принцип правовой компенсаторности вполне может и должен быть применен в том сегменте международных отношений, который связан с выстраиванием экономических механизмов, способствующих международной или глобальной социальной справедливости[13].

В Конституции РФ принцип формального равенства получил нормативное закрепление в ч. 3 ст. 17, которая гласит, что при осуществлении прав и свобод нельзя нарушать права и свободы других лиц, а также в ч. 3 ст. 55, в соответствии с которой права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в той мере, в какой это необходимо в целях защиты прав других лиц, а также перечисленных здесь конституционных ценностей общего блага. Если применить этот принцип к сфере международно-правовых отношений между государствами, то речь пойдет об основаниях и пределах ограничения *государственного суверенитета*. По этому поводу В.С. Нерсесянц, исходя из разработанного им либертарно-юридического правопонимания, отмечал, что в данном случае надо говорить не об ограничении *прав* суверенитета, т.е. не об отказе от части суверенных прав, а об ограничении государственного *произвола*, о «переходе от прежнего силового, произвольного суверенитета к правовой концепции и конструкции суверенитета. <...> Если старый суверенитет был прежде всего произвольным притязанием на правовую монополию и абсолютное право по принципу “права” сильного, то новый суверенитет должен быть прежде всего правовой обязанностью в отношении множества других субъектов права, обязанностью считаться с правами других»[14].

Кстати, вполне вписывается в правовой подход к проблеме мироустройства и приведенный А.В. Кортуновым такой, казалось бы, сугубо прагматический аргумент в пользу идеи многосторонности: нужно, говорит он, искать принципы и механизмы создания дополнительных гарантий «“слабым”, потому что возможности для “слабых” выступать в роли “спойлеров” в XXI веке выросли как минимум на порядок по сравнению с предыдущими эпохами»[15]. С правовой точки зрения важна не сама мысль о том, что в условиях гибкой блоковой системы у «слабых» государств появляются бо́льшие возможности влиять на соотношение сил между конкурирующими блоками (что укрепляет их правовые позиции), а приведенная автором аргументация в обоснование этого тезиса. Опираясь на аналогию с федеративным государством, в котором происходит перераспределение ресурсов от процветающих регионов к депрессивным, А.В. Кортунов отмечает, что «процветающие вынуждены платить больше ради сохранения целостности и стабильности федерации»[16]. Эта же логика, считает он, применима и к международным отношениям. И действительно, подобное перераспределение ресурсов между государствами (экономических, политических, культурных и т.д.) способствует сохранению целостности и стабильности системы международных отношений как общего блага. А это значит, что такой подход вписывается в *формулу правового принципа формального равенства*, согласно которой права одних субъектов правового взаимодействия могут быть реализованы в той мере, в какой они не нарушают права других субъектов и те ценности общего блага, которые являются условием реализации прав каждой из сторон.

Доминировавшие ранее в истории правовой мысли представления о том, что термин «международное право» носит весьма условный характер, а обозначаемый им феномен, по сути своей, не является правом, в целом уже ушли в прошлое. В настоящее время специалисты в области международного права уверенно говорят о том, что «международное право *общеприемлемо*»[17]. С позиций философии права к этому следует добавить, что оно *общеприемлемо (т.е. общезначимо и универсально)* именно потому, что основано на правовом принципе формального равенства, применение

[12] Правовое регулирование, писал В.С. Нерсесянц, основывается на принципе формального равенства сторон до тех пор, пока оно остается в границах правовой компенсации. А «всякий выход в процессе пропорционально-распределяющего уравнивания за границы правовой компенсации ведет к появлению привилегий, т.е. к нарушению права» (см.: *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 509, сн. 1).

[13] См.: *Brock G.* Global justice: a cosmopolitan account. Oxford, 2009. Анализ западного философского дискурса о социальной справедливости как *международной* (т.е. справедливости в мире государств) и *глобальной* или *космополитической* (справедливости применительно к каждому человеку как «гражданину мира») (см.: *Прокофьев А.В.* Этика справедливости и ее пределы. URL: https://www.iphras.ru›uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/prok.html (дата обращения: 22.02.2024)).

[14] *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. С. 640.

[15] *Кортунов А.В.* Указ. соч. С. 35.

[16] Там же.

[17] *Вылегжанин А.Н.* Указ. соч.

которого к субъектам международного права гарантирует степень справедливости в их взаимоотношениях, максимально возможную на данном историческом этапе. Отмечая принципиально важную имманентную взаимосвязь права и справедливости, хотелось бы в этом контексте обратить внимание на высказывание о проблеме справедливости международных отношений другого влиятельного эксперта – председателя Президиума Совета по внешней и оборонной политике Ф.А. Лукьянова. Комментируя призывы российской дипломатии к «справедливому мировому устройству» и соглашаясь с ними, далее он пишет, что «справедливость – понятие не универсальное... Особенно на международной арене, где толкование каждым справедливости неразрывно связано с реализацией национальных интересов. Поэтому справедливость как лозунг – хорошо и правильно, как руководство к действиям – едва ли применима на практике»[18]. Подобные рассуждения, по-видимому, основаны на представлении о том, что справедливость – это категория, относящаяся к области морали. Но в таком случае призывы к справедливости в области международных отношений – это всего лишь прекраснодушное морализаторство. Только признавая справедливость правовой и, соответственно, общезначимой, универсальной категорией, уместно говорить о необходимости справедливого мироустройства.

Сказанное, разумеется, не означает, что такой международно-правовой порядок достижим в ближайшее время (более того, по мнению А.В. Кортунова, и многополярный мир – это дело не одного десятилетия). Но выдвигая уже сейчас правовое требование справедливости, а не моральный призыв, Россия может в исторически обозримой перспективе рассчитывать на широкую поддержку мирового сообщества. То обстоятельство, что это правовое требование пока нереализуемо, никак не обесценивает его общезначимости и императивности. В отличие от политологии (для которой на первом месте стоит описание, анализ и учет механизмов реальной политики), а также от позитивистской доктрины правопонимания (в центре внимания которой находится описание, анализ и систематизация действующего законодательства) либертарно-юридическая и естественно-правовая доктрины используют в своих построениях такой доктринальный язык, который носит не дескриптивный, а прескриптивный характер: он предписывает «правовой смысл, правовой характер закона... всех способов, форм, процедур и приемов его установления, изменения, действия, толкования и применения»[19]. При этом если юснатурализм предлагает в качестве критерия правового характера закона и способов его реализации некие моральные максимы, главными носителями которых обычно выступают «равнейшие из равных», то либертарно-юридическая теория опирается на критериальное значение принципа формального равенства сторон правового взаимодействия. Именно этот подход в полной мере отвечает не только интересам России на международной арене, но и задаче построения равносправедливой правовой модели миропорядка.

Геополитические реалии блокового противостояния и проблема государственного суверенитета России. Даже если вслед за И. Кантом (воодушевившись его великой идеей «вечного мира») всерьез рассчитывать на возможность такого мироустройства, в рамках которого гарантируется, что и «самое маленькое государство могло бы ожидать своей безопасности и прав не от своих собственных сил... а исключительно от такого великого союза народов... от объединенной мощи и от решения в соответствии с законами объединенной воли»[20], то при всем оптимизме следует признать, что дорога к этому правовому будущему будет крайне не простой и опасной. В ближайшей исторической перспективе человечеству, судя по всему, придется пройти через «период распада деградирующей старой системы на отдельные фрагменты и самозамыкание “полюсов” в своих региональных или континентальных подсистемах с целью внутренней консолидации каждого из “полюсов”»[21].

Такое в*и*дение ситуации вновь актуализирует концепцию этнокультурного разделения цивилизаций С. Хантингтона[22], и прежде всего лежащую в ее основе идею о том, что после окончания «холодной войны» на место идеологической конфронтации приходят конфликты, основанные на религиозных и этнокультурных различиях.

[18] *Лукьянов Ф.А.* Справедливость – понятие не универсальное // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/ (дата обращения: 22.02.2023).

[19] *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2004. С. 383.

[20] *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: https://www.filosof.historic.ru›books/item/f00/s00/z0000510 (дата обращения: 22.05.2020). В этом контексте нельзя не упомянуть о том, что Г. Гегель, отрицавший идею кантовского «вечного мира», писал по этому поводу так: «Войны возникают там, где они лежат в природе вещей; ... и пустая болтовня умолкает перед серьезными повторениями истории». И если, считал он, «известное число государств и сольется в одну семью, то этот союз... должен будет сотворить противоположность и породить врага» (см.: *Гегель Г.* Философия права. М., 1990. С. 361).

[21] *Кортунов А.В.* Указ. соч. С. 12.

[22] Предыдущий всплеск интереса к этой концепции, впервые изложенной автором в статье «Столкновение цивилизаций?» в 1993 г. и развитой затем в одноименной монографии 1996 г., был подогрет событиями 11 сентября 2001 г.

Американский социолог и политтехнолог не был беспристрастным наблюдателем, он ставил своей задачей предупредить западную цивилизацию о возможных ошибках, которые способствовали бы дальнейшему ослаблению лидерских позиций Запада в глобальном мире и помешали бы восстановлению его могущества в будущем. К таким ошибкам С. Хантингтон относил прежде всего вмешательство в дела других цивилизаций, чреватое глобальным конфликтом в полицивилизационном мире. Кроме того, он предостерегал США от попыток сдерживать формирование многополярного мироустройства, а внутри страны призывал сохранить европейскую идентичность и те элементы европейской культуры, которые составляют инструменты «мягкой силы» западной цивилизации. При этом С. Хантингтон считал, что России и Западу необходимо договориться «о принципиальном равенстве и разделении сфер влияния» таким образом, что Россия дает согласие на расширение Европейского Союза и НАТО за счет «западнохристианских стран Центральной и Восточной Европы, а Запад обязуется не расширять НАТО дальше на восток, если только Украина не расколется на два государства»[23].

Признавая значимость целого ряда конкретных оценок, выводов и предложений С. Хантингтона, можно тем не менее констатировать, что его концепция конфликта цивилизаций по большому счету не вписывается в реалии осуществляемого сейчас кризисного перехода к многополярному миру. Показателен в этом плане его прогноз по поводу «большой войны» между разными цивилизациями (а такую возможность С. Хантингтон не исключал, хотя и считал ее маловероятной). Скорее всего, по его мнению, это могла бы быть война между США и Китаем, в ходе которой «США, Европа, Россия и Индия окажутся втянуты в глобальную борьбу против Китая, Японии и большинства исламских стран»[24], а Россия не только примкнет к Западу, но и войдет в состав НАТО. Однако, исходя из нынешнего развития событий, такой сценарий трудно назвать даже маловероятным. И дело не только в том, что далеко не все советы этого авторитетного внешнеполитического стратега были учтены американским истеблишментом. С. Хантингтон, по-видимому, недооценил фактор, на котором сделал акцент другой видный американский социолог и футуролог Э. Тоффлер, предложивший иную версию конфликта цивилизаций и иное понятие цивилизации как «интегрированной социальной системы со своими особыми технологиями, со своими собственными социальными институтами и своими собственными информационными каналами»[25]. Ключевым фактором цивилизационного развития здесь является технологический (а точнее – научно-технологический) прогресс, который предопределяет эволюционную смену волн цивилизаций от сельскохозяйственной к индустриальной и затем к постиндустриальной, уже начавшей свое шествие по миру в борьбе со старыми формами экономики, политики, социальной структуры, а также с соответствующей им ценностно-регулятивной системой. При этом линия столкновения между «волнами цивилизаций» проходит как в рамках мировой системы, так и внутри отдельных государств.

Тоффлеровская трактовка идеи конфликта цивилизаций полнее отражает тот факт, что на современном этапе развития человечества достижения научно-технологического прогресса «как никогда прежде, начали определять динамику развития стран, их совокупную мощь, глобальную конкурентоспособность, степень обеспечения национальной безопасности и равноправной интеграции в мировую экономику»[26] со всеми вытекающими последствиями для благосостояния их граждан. С учетом этого можно согласиться с тем, что многополярный мир, который сформируется по итогам нынешнего геополитического кризиса, разделится не просто на экономические пространства, а на *техно*-экономические блоки. Государства, входящие в такие блоки, будут, по-видимому, иметь некоторую общую цивилизационную (этнокультурную) специфику, но на первый план выйдут общие интересы по встраиванию в систему глобальной научно-технологической конкуренции.

Под техно-экономическим блоком понимается макроэкономическое пространство, образуемое несколькими государствами, в рамках которого функционирует общий рынок, собственная валюта, своя инфраструктура для создания технологических платформ и критически важных технологий (куда не будут допускаться конкуренты), достаточный комплекс человеческих и природных ресурсов и т.п.[27] России еще предстоит найти себе союзников среди технологически развитых стран, с которыми можно было бы сформировать общий рынок, позволяющий окупать инвестиции в высокие технологии XXI в. (во всяком случае до тех пор, пока выход на мировые рынки технологий будет ограничен). От того, сумеет ли Россия стать частью сильного техно-экономического блока и с каким научно-технологическим и экономическим потенциалом

[23] *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2016. С. 423.

[24] Там же. С. 567.

[25] *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002. С. 78.

[26] *Добросклонская Т.* // Обозреватель. 2023. Т. 399. № 4. С. 114.

[27] Дискуссия «Конкуренция технологических платформ в XXI веке» (выступление А.О. Безрукова). URL: https://bit.ly/3lHdobYt.me/valdaiclub/8840 (дата обращения: 11.05.2023).

она войдет в такой блок, во многом будет зависеть обеспечение ее *государственного суверенитета* в рамках иерархической внутриблоковой структуры.

С учетом экономического потенциала страны, определяемого наличием энергетических и иных природных ресурсов, выгодным экономико-географическим положением, высоким уровнем образования населения и т.д., главная проблема обеспечения государственного суверенитета России формулируется сейчас как необходимость «достижения технологического суверенитета»[28]. Введение с 2022 г. в политический дискурс и научный оборот термина «*технологический суверенитет*» не ставит под сомнение принятые в юридической науке представления о неделимом характере феномена, обозначаемого понятием «государственный суверенитет», а лишь акцентирует внимание на наиболее слабом звене в системе факторов, из которых складывается государственный суверенитет России на данном этапе ее исторического развития. Острота проблемы обусловлена тем, что страна, вступившая после распада СССР в глобальный рынок, легко согласилась с предложенной ей ролью сырьевого придатка. Таким образом, руководством страны был недооценен научно-технологический фактор общецивилизационного развития, который в современных условиях является определяющим.

Для осмысления роли и значения этого фактора целесообразно обратиться к предложенной академиком В.С. Степиным типологии цивилизаций, в рамках которой выделяются цивилизации традиционного и техногенного типа[29]. Культурная матрица традиционных цивилизаций представляет собой жесткий каркас из религиозно-нравственных норм и многовековых обычаев, в который любые новшества (социальные, технологические, духовные и т.д.) вписываются крайне медленно, преодолевая большое сопротивление социальной среды. Техногенный тип цивилизации, зародившийся в Западной Европе в XV–XVII вв., напротив, отличается большой восприимчивостью к инновациям и ориентацией на раскрепощение творческого потенциала людей, в чем огромную роль играет право как система прав человека. В современных условиях техногенный путь цивилизационного развития становится определяющим: в него с разной степенью успешности встраивается большинство стран и регионов мира. Данный процесс, осуществляемый сейчас под девизом «кто не успел, тот опоздал», имеет ярко выраженный конкурентный характер. При этом, как показывает опыт быстро развивающихся стран Азии, осуществивших в последние десятилетия модернизационный рывок, важным ресурсом в такой конкуренции является удачное сочетание открытости технологическим инновациям с культурными традициями «Восточного пути». В ценностно-нормативной плоскости это означает нахождение оптимального баланса между правом, моралью и религией как базовыми соционормативными регуляторами.

Ценностно-нормативные основы консолидации государств в рамках формирующихся блоков. Конкурентный потенциал каждого блока будет определяться не только его технологическим могуществом, но и сложившимся внутри него особым ценностно-нормативным комплексом, в котором найдет отражение определенный уровень духовного единства народов, объединившихся в подобный союз. Помимо регулятивной функции соответствующие ценности, нормы и основанные на них модели социального развития станут осуществлять функцию «мягкой силы», привлекающую в то или иное макроэкономическое пространство новых союзников. Поэтому вопрос о том, какие духовные составляющие культуры могут стать «точкой сборки» в рамках такого объединения государств, имеет не только глубокий философский смысл, отражающий представления о сущности человека и полноте человеческого бытия, но и важное практическое значение. В условиях, когда научно-технологический прогресс определяет стратегическое развитие современного мира»[30], экзистенциальные по своему содержанию культурные коды разных цивилизаций должны быть рассмотрены в фокусе тех социальных вызовов, которые несут в себе технологии XXI в.

Идущая в мире технологическая революция, основной вектор которой задан конвергенцией нано-, био-, инфо- и когнотехнологий, привносит новые существенные характеристики в общественное (в том числе и политико-правовое) устройство всех технологически развитых стран. Суть этих главных технологий XXI в. заключается в том, что они направлены не столько на преобразование среды, окружающей человека, сколько на технологические трансформации самого человека (его физиологических, когнитивных и психических характеристик), а также на технизацию сферы управления человеческой жизнью со стороны структур, обладающих политической или экономической властью. Указанные технологии, которые нередко называют экспоненциальными в силу соответствующих темпов их

[28] В 2022 г. Президент РФ, выступая на Петербургском международном экономическом форуме, назвал достижение технологического суверенитета в числе шести базовых принципов долгосрочного развития России (см.: Полный текст выступления Владимира Путина на ПМЭФ 17 июня 2022. URL: http://www.kp.ru/daily/27407.5/4603800/ (дата обращения: 07.02.2024)).

[29] См.: *Степин В.С.* Стратегия цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 5.

[30] *Добросклонская Т.* Указ. соч. С. 123.

развития, в своей совокупности открывают невиданные прежде возможности в сфере социального управления и контроля за поведением людей. А это значит, что перспективы и направления разработки и применения подобных технологий представляют значительный интерес для анализа в плоскости правового подхода. Чтобы понять масштаб их грядущего воздействия на социальные отношения, следует рассмотреть крайние из возможных его проявлений, которые могут быть реализованы в рамках основных конкурирующих моделей общественного устройства. Речь идет, с одной стороны, о социалистическом Китае (социалистическом – несмотря на значительный рыночный сегмент его экономики), а с другой – о капиталистическом Западе (капиталистическом – несмотря на все разговоры последних десятилетий о кризисе капитализма).

Что касается китайского социализма, то в настоящее время этот общественный строй демонстрирует потенциал для такого соединения управленческих и технологических ресурсов, который способен обеспечить всепроникающую систему учета и контроля поведения граждан, чреватую серьезными нарушениями прав человека. Подобное управление уже реализуется в форме т.н. социальных рейтингов, применяемых пока что собственниками технологических платформ, но при очевидном одобрении со стороны государства. Наряду с этим в Китае активно развиваются биотехнологии, в частности технологии по редактированию генома человека[31], а также вспомогательные репродуктивные технологии, связанные с селекцией эмбрионов, которые могут быть использованы для целей т.н. позитивной или либеральной евгеники. Качественно новые возможности для контроля за человеком могут предоставить технологии распознавания эмоций, внедрение которых начинается с помощи в работе правоохранительных органов[32]. В этом же ряду следует отметить и то, что большое и очень неоднозначное впечатление на весь мир произвела эффективность применения китайским государством средств цифрового отслеживания контактов и контроля за здоровьем людей во время пандемии COVID-19. Впереди введение цифрового юаня, эксперименты по внедрению которого (в том числе и для выплаты зарплаты) уже проводятся. Очевидно, что результаты этих экспериментов могут быть легко «интегрированы в систему социального рейтингования, разрабатываемую правительством Китая»[33]. И все это только первые шаги в создании и применении технологий такого рода.

А между тем Китай до XX в. был классической цивилизацией традиционного типа и, казалось бы, должен тяготеть к технологическому консерватизму. Однако, получив по итогам опиумной войны XIX в. и культурной революции XX в. мощную прививку от экономической автаркии и технологического отставания, в XXI в. Китай сумел успешно синтезировать возможности западных технологий и особенности конфуцианской культуры с ее ориентацией на ценности стабильности и гармонии, а также на принцип Небесного мандата правителя, с ее приверженностью идее иерархии в противовес идее равенства, с пониманием государственного устройства через призму семейных отношений и т.д.[34] Показательно, что и сейчас Китай «уходит от конфронтационной “блоковой” риторики»[35], призывая к гармонии цивилизаций[36] и провозглашая приверженность идее совмещения «китайской экоцивилизации и западной индустриальной цивилизации»[37]. Однако демонстрируемое при этом соединение социалистической модели общественного и государственного устройства с западными технологиями, созданными в условиях иной культуры и системы ценностей, с правовой точки зрения создает весьма опасную «гремучую смесь».

На другом идеологическом полюсе ситуация, на первый взгляд, выглядит иначе. Здесь звучат слова о переходе к так называемому инклюзивному капитализму с его идеей заменены акционеров-собственников на простых интересантов в функционировании капитала, с его шеринговой (от англ. *sharing* – участие, дележ) экономикой ответственного потребления, предполагающей снижение употребления мяса, отказ от личного автомобиля, от авиаперелетов и т.п. Здесь уже полным ходом внедряются

[31] Подробнее см.: *Лапаева В.В.* Право в эпоху генетической революции: прогресс геномики человека с позиций правового подхода. М., 2023. С. 80–82. Не случаен тот факт, что первый (и единственный из известных) эксперимент по рождению детей с отредактированным геномом был реализован в Китае. И хотя власти страны осудили эксперимент, его проведение не было для них тайной (см.: там же. С. 35).

[32] Обеспокоенность по поводу китайских разработок в этой области высказывают некоторые правозащитные организации (см.: Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights. Published by ARTICLE19 in January 2021. London, 2021).

[33] *Кочергин Д.А.* Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 1. С. 64.

[34] См.: *Асмолов К.* Азиатские ценности как дорога к прогрессу. Почему конфуцианский культурный регион совершил рывок из Третьего мира. URL: https://www.globalaffairs.ru›articles/aziatskie-czennosti-kak... (дата обращения: 11.05.2023).

[35] *Дегтерев Д.* Многополярность или «новая биполярность»? URL: https://russiancouncil.ru›analytics-and-comments/...

[36] См.: *Гордон А.*В. Китайская цивилизация в глобалистской парадигме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2020. С. 21.

[37] *Сунь Лэй.* Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 35.

идеи базового (но не безусловного) дохода, пропагандируются прелести технологического консьюмеризма, виртуальной реальности и т.д. Однако очевидно, что все эти сомнительные прелести «капитализма для всех», гарантирующие массам сытую бедность[38], не затронут глобальные элиты. Ведь в рамках предлагаемой этим концептом модели миропорядка национальные государства, которые сейчас хоть как-то сдерживают нарастающие тенденции социальной поляризации на глобальном и внутригосударственном уровнях, должны будут уйти со сцены. Как пишет известный пропагандист инклюзивного капитализма и рупор глобализма К. Шваб, в результате расширения глобализации и демократии «для национальных государств не останется места»[39]. Их управленческие функции перейдут к «социально ответственным» транснациональным корпорациям, которые смогут использовать для этого технологии контроля, успешно апробированные в Китае.

Таким образом, в условиях нынешнего этапа научно-технологической революции перспективы развития как социализма, так и капитализма (если рассматривать их в логике простой экстраполяции) несут примерно одинаковую опасность дегуманизации человека и технизации создаваемых им общественных отношений в русле построения постчеловеческого будущего. А это означает, что технологический императив[40], уже практически выходящий из-под социального контроля, может легко подавить кантовский категорический императив, лежащий в основе идеи достоинства и прав человека. В складывающейся ситуации наивно звучат утверждения сторонников движения так называемых демократических трансгуманистов (другие представители этого многочисленного трансгуманистического движения в массе своей не озабочены проблемами демократии) о том, что технологический прогресс не «сделает богатых богаче, а бедных беднее»[41], поскольку такую опасность вполне можно преодолеть путем развития всеобщего здравоохранения, субсидий для широкого доступа к технологиям и т.п. В условиях колоссальной социальной поляризации у представителей глобальной элиты, обладающих основными экономическими, политическими и информационными ресурсами, а в перспективе – и самым мощным искусственным интеллектом, есть как минимум большой соблазн пренебречь идеями правовой демократии. А если это произойдет, то непонятно, кто и как сможет им помешать направить развитие человечества в русло биосоциального раскола на сверхлюдей и массы, оставшиеся в границах своей биологической природы.

Обнадеживает лишь то, что между двумя описанными выше крайностями капиталистической и социалистической моделей, реализуемых в условиях современной научно-технологической революции, находится обширное пространство, заполненное идеями и социальными практиками, ориентированными на поиск новых правовых путей развития человечества. В этом глобальном дискурсе востребованы и интеллектуальные достижения западной философско-правовой мысли[42], и нормативные традиции древней китайской цивилизации, и прозрения русской религиозной философии права, и итоги философско-правового осмысления противоречивого социалистического опыта России[43]. Значимость этого интеллектуального поиска в контексте проблемы технизации человеческой жизни как одного из главных вызовов современности хорошо выразил К. Ясперс. «Людей, – писал он, – не покидает ощущение, что они живут в момент, когда в развитии мира достигнут рубеж, который несоизмерим с подобными рубежами отдельных исторических эпох прошлых тысячелетий. Мы живем в духовно несравненно более богатой возможностями и опасностями ситуации, однако, если мы с ней не справимся, она неизбежно превратится в наиболее ничтожное время для оказавшегося несостоятельным человека»[44].

---

[38] См.: *Шелест Д.* Инклюзивный капитализм: завершение эпохи или начало иного порядка? https://regnum.ru/article/3281007

[39] *Schwab K., Mallere T.* COVID-19: The Great Reset // WEF: FORUM PUBLISHING. 2020. S. 82.

[40] См.: *Ушаков Е.В.* Технологический императив и проблема нормативности технологии // Оригинальные исследования. 2020. № 10. С. 36.

[41] *Hughes J.* On Democratic Transhumanism. URL: https://archive.ieet.org›articles/hughes20090623.html (дата обращения: 11.06.2022).

[42] Именно на Западе звучит сейчас особенно резкая критика современного капитализма в таких его вариациях, как «инклюзивный капитализм», «стейкхолдерский капитализм», «биокапитализм», «надзорный капитализм» и т.д. Показателен и тот факт, что в странах Европейского союза приняты наиболее разработанные в части защиты прав человека межгосударственные стандарты, регламентирующие работу с искусственным интеллектом и с большими данными, а также создание и применение биотехнологий (и прежде всего генной инженерии) и иных высоких технологий XXI в.

[43] В рамках такого опыта особый интерес представляет разработанная акад. В.С. Нерсесянцем концепция цивилизма как принципиально нового с правовой точки зрения постсоциалистического общественного строя (см.: *Нерсесянц В.С.* Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2000). Анализ концепции цивилизма в фокусе современных политико-правовых реалий см.: *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.

[44] *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. URL: https://www.http://lib.ru›FILOSOF/YASPERS/time.txt (2. Истоки современного положения) (дата обращения: 12.02.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асмолов К.* Азиатские ценности как дорога к прогрессу. Почему конфуцианский культурный регион совершил рывок из Третьего мира. URL: https://www.globalaffairs.ru›articles/aziatskie-czennosti-kak... (дата обращения: 11.05.2023).
2. *Вылегжанин А.* Вопросы соотношения и взаимодействия международных отношений и международного права. URL: https://www.russiancouncil.ru›analytics-and-comments/... (дата обращения: 12.02.2024).
3. *Гегель Г.* Философия права. М., 1990. С. 361.
4. *Гордон А.В.* Китайская цивилизация в глобалистской парадигме // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 9. Востоковедение и африканистика. 2020. С. 21.
5. *Дегтерев Д.* Многополярность или «новая биполярность»? URL: https://russiancouncil.ru›analytics-and-comments/...
6. Дискуссия «Конкуренция технологических платформ в XXI веке» (выступление А.О. Безрукова). URL: https://bit.ly/3lHdobYt.me/valdaiclub/8840 (дата обращения: 11.05.2023).
7. *Добросклонская Т.* // Обозреватель. 2023. Т. 399. № 4. С. 114, 123.
8. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. URL: https://www.filosof.historic.ru›books/item/f00/s00/z0000510 (дата обращения: 22.05.2020).
9. *Кортунов А.В.* Между полицентризмом и биполярностью: о российских нарративах эволюции миропорядка // Рабочая тетрадь РСМД. 2019. № 52. С. 12, 15–23, 35, 36.
10. *Кочергин Д.А.* Цифровые валюты центральных банков: опыт внедрения цифрового юаня и развитие концепции цифрового рубля // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16. № 1. С. 64.
11. *Лапаева В.В.* Право в эпоху генетической революции: прогресс геномики человека с позиций правового подхода. М., 2023. С. 35, 80–82.
12. *Лапаева В.В.* Социализм как закономерный этап всемирно-исторического процесса: с позиций концепции цивилизма В.С. Нерсесянца // Вопросы философии. 2017. № 7. С. 44–56.
13. *Лапаева В.В.* Типы правопонимания: правовая теория и практика. М., 2012. С. 391–441.
14. *Луковская Д.И.* Позитивизм и естественное право: конфликт интерпретаций // Вестник Томского гос. ун-та. 2020. № 456. С. 234.
15. *Лукьянов Ф.А.* Справедливость – понятие не универсальное // Россия в глобальной политике. URL: https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/ (дата обращения: 22.02.2023).
16. *Нерсесянц В.*С. Национальная идея России во всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости. Манифест о цивилизме. М., 2000.
17. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2004. С. 383.
18. *Нерсесянц В.С.* Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. 2002. № 3. С. 3–15.
19. *Нерсесянц В.С.* Философия права: учеб. для вузов. М., 2006. С. 509, сн. 1, 640.
20. *Никитин А.И.* Современный миропорядок: его кризис и перспективы // Полис. 2018. № 6. С. 35.
21. Полный текст выступления Владимира Путина на ПМЭФ 17 июня 2022. URL: http://www. kp.ru/daily/27407.5/4603800/ (дата обращения: 07.02.2024).
22. *Прокофьев А.В.* Этика справедливости и ее пределы. URL: https://www.iphras.ru›uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/prok.html (дата обращения: 22.02.2024).
23. *Степин В.С.* Стратегия цивилизационного развития и проблема ценностей // Россия и современный мир. 2003. № 1. С. 5.
24. *Сунь Лэй.* Китайский путь – модернизационная трансформация китайской цивилизации // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 35.
25. *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002. С. 78.
26. *Ушаков Е.В.* Технологический императив и проблема нормативности технологии // Оригинальные исследования. 2020. № 10. С. 36.
27. *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2006. С. 275.
28. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2016. С. 423, 567.
29. *Шелест Д.* Инклюзивный капитализм: завершение эпохи или начало иного порядка? URL: https://regnum.ru/article/3281007
30. *Ясперс К.* Духовная ситуация времени. URL: https://www.http://lib.ru›FILOSOF/YASPERS/time.txt (2. Истоки современного положения) (дата обращения: 12.02.2024).
31. *Brock G.* Global justice: a cosmopolitan account. Oxford, 2009.
32. Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights. Published by ARTICLE19 in January 2021. London, 2021.
33. *Hughes J.* On Democratic Transhumanism. URL: https://archive.ieet.org›articles/hughes20090623.html (дата обращения: 11.06.2022).
34. *Schwab K., Mallere T.* COVID-19: The Great Reset // WEF: FORUM PUBLISHING. 2020. S. 82.

REFERENCES

1. *Asmolov K.* Asian values as a road to progress. Why the Confucian cultural region made a breakthrough from the Third World. URL: https://www.globalaffairs.ru›articles/aziatskie-czennosti-kak... (accessed: 11.05.2023) (in Russ.).
2. *Vylegzhanin A.* Issues of correlation and interaction of international relations and International Law. URL: https://www.russiancouncil.ru›analytics-and-comments/... (accessed: 12.02.2024) (in Russ.).
3. *Hegel G.* Philosophy of Law. M., 1990. P. 361 (in Russ.).

4. *Gordon A.V.* Chinese civilization in the globalist paradigm // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 9. Oriental and African studies. 2020. P. 21 (in Russ.).
5. *Degterev D.* Multipolarity or the "new bipolarity"? URL: https://russiancouncil.ru›analytics-and-comments/... (in Russ.).
6. Discussion "Competition of technology platforms in the XXI century" (speech by A.O. Bezrukov). URL: https://bit.ly/3lHdobYt.me/valdaiclub/8840 (accessed: 11.05.2023) (in Russ.).
7. *Dobrosklonskaya T.* // Observer. 2023. Vol. 399. No. 4. Pp. 114, 123 (in Russ.).
8. *Kant I.* The idea of universal history in the world-civil plan. URL: https://www.filosof.historic.ru›books/item/f00/s00/z0000510 (accessed: 22.05.2020) (in Russ.).
9. *Kortunov A.V.* Between polycentrism and bipolarity: on Russian narratives of the evolution of the world order // INF Workbook. 2019. No. 52. Pp. 12, 15–23, 35, 36 (in Russ.).
10. *Kochergin D.A.* Digital currencies of central banks: the experience of introducing the digital yuan and the development of the concept of the digital ruble // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Vol. 16. No. 1. P. 64 (in Russ.).
11. *Lapaeva V.V.* Law in the era of the genetic revolution: the progress of human genomics from the standpoint of a legal approach. M., 2023. Pp. 35, 80–82 (in Russ.).
12. *Lapaeva V.V.* Socialism as a natural stage of the world historical process: from the standpoint of the concept of civilization by V.S. Nersesyants // Questions of philosophy. 2017. No. 7. Pp. 44–56 (in Russ.).
13. *Lapaeva V.V.* Types of legal understanding: legal theory and practice. M., 2012. Pp. 391–441 (in Russ.).
14. *Lukovskaya D.I.* Positivism and natural law: conflict of interpretations // Herald of the Tomsk State University. 2020. No. 456. P. 234 (in Russ.).
15. *Lukyanov F.A.* Justice is not a universal concept // Russia in global politics. URL: https://globalaffairs.ru/articles/spravedlivost-ne-universalna/ (accessed: 22.02.2023) (in Russ.).
16. *Nersesyants V.S.* The national idea of Russia in the world-historical progress of equality, freedom and justice. Manifesto of Civilization. M., 2000 (in Russ.).
17. *Nersesyants V.S.* General theory of law and the state. M., 2004. P. 383 (in Russ.).
18. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: libertarian legal concept // Questions of philosophy. 2002. No. 3. Pp. 3–15 (in Russ.).
19. *Nersesyants V.S.* Philosophy of Law: textbook for universities. M., 2006. Pp. 509, reference 1, 640 (in Russ.).
20. *Nikitin A.I.* The modern world order: its crisis and prospects // Polis. 2018. No. 6. P. 35 (in Russ.).
21. The full text of Vladimir Putin's speech at the SPIEF on June 17, 2022. URL: http://www. kp.ru/daily/27407.5/4603800/ (accessed: 07.02.2024) (in Russ.).
22. *Prokofiev A.V.* Ethics of justice and its limits. URL: https://www.iphras.ru›uplfile/ethics/RC/ed/kaunas/prok.html (accessed: 22.02.2024) (in Russ.).
23. *Stepin V.S.* Strategy of civilizational development and the problem of values // Russia and the modern world. 2003. No. 1. P. 5 (in Russ.).
24. *Sun Lei.* The Chinese Way – the modernization transformation of Chinese civilization // Comparative Politics. 2019. Vol. 10. No. 2. P. 35 (in Russ.).
25. *Toffler E.* The Third wave. M., 2002. P. 78 (in Russ.).
26. *Ushakov E.V.* Technological imperative and the problem of technology normativity // Original research. 2020. No. 10. P. 36 (in Russ.).
27. *Habermas Yu.* Moral consciousness and communicative action. SPb., 2006. P. 275 (in Russ.).
28. *Huntington S.* Clash of civilizations. M., 2016. Pp. 423, 567 (in Russ.).
29. *Shelest D.* Inclusive capitalism: the end of an era or the beginning of a different order? URL:URL: https://regnum.ru/article/3281007 (in Russ.).
30. *Yaspers K.* The spiritual situation of the time. URL: https://www.http://lib.ru›FILOSOF/YASPERS/time.txt (2. The origins of the current situation) (accessed: 12.02.2024) (in Russ.).
31. *Brock G.* Global justice: a cosmopolitan account. Oxford, 2009.
32. Emotional Entanglement: China's emotion recognition market and its implications for human rights. Published by ARTICLE19 in January 2021. London, 2021.
33. *Hughes J.* On Democratic Transhumanism. URL: https://archive.ieet.org›articles/hughes20090623.html (accessed: 11.06.2022).
34. *Schwab K., Mallere T.* COVID-19: The Great Reset // WEF: FORUM PUBLISHING. 2020. S. 82.

Сведения об авторе

ЛАПАЕВА Валентина Викторовна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник
сектора философии
права, истории и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LAPAEVA Valentina V. –
Doctor of Law,
Chief Researcher
of the Sector of Philosophy of Law,
History and Theory of State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str.,
119019 Moscow, Russia